

– У вас тут пати на минималках, – улыбнулся Миша, дополняя композицию своим тортиком.

– Миша, у меня не только пати, ты садись. Я тут после смерти жены почти живу, можно сказать, с осени. – Профессор разлил немного коньяку по рюмкам. – На машине же не проехать – везде снег убирают. Пешком не пройти – нигде снег не убирают. Вот как им это удается?

– Ой, там сейчас такая красота, Григорий Степанович, вы бы видели! – Миша поспешно снял пуховик и повесил его на спинку стула. – Все реально белое, и такие смешные все ходят по сугробам. Ну, за вашу днюху!

Они чокнулись и выпили, закусив лимоном. Миша осмотрелся вокруг – сплошные стеллажи до самого потолка, и все заставлены банками, баночками, а еще коробками, в которых наверняка тоже были банки.

– А я эту проблему решил. – Профессор говорил неожиданно серьезно, подперев подбородок кулаком и смотря в упор на студента.

– Лыжи, что ли, изобрели?

– Более радикально. Ты режь тортик. Блюдца вон на стеллаже стоят, за банками.

Миша нашел блюдца и ложки, открыл свой подорок, отрезал пару кусочков, положил себе и профессору, который в это время разливал коньяк.

– Вкусно, – задумчиво протянул профессор, попробовав тортик. – А снег в городе не нужен. Хочешь снег – поезжай за город. Там его никто не тронет. И тебя. Любуйся хоть до весны.

– В городе тоже красиво. Ну, пока эти, коммунальщики, все не испортят.

– Так они испортят, Миш. За красоту!

Они выпили, Григорий Степанович решительно встал из-за стола.

– Идем! – скомандовал он.

Миша проследовал за ним в соседнее помещение, уже больше напоминающее лабораторию: на столах располагались колбы, пробирки, сложные приборы, несколько компьютеров, а по центру – простая железная бочка, не очень уместная здесь.

– Щас я тебе покажу. – Профессор говорил уже менее уверенно, чем действовал.

Он взял со стола пустую пробирку и прямо ложкой от тортика залез в бочку, которая была до краев заполнена синеватым порошком. Григорий Степанович аккуратно высыпал в пробирку ровно одну чайную ложку, но все равно просыпал. Затем он молча направился к выходу, Миша семенил за ним. Они накинули куртки, прошли мимо будки

охранника, Миша отворил тяжелую дверь. На улице уже темнело, но фонари еще не зажглись. Сумерки сгущались медленно. И люди так же медленно, как во сне, спешили по своим делам, увязая в сугробах под ритмичные удары лома по сосулькам – их сбивали с крыши одного из домов. Да и на земле дворники с лопатами уже взялись за дело, а кроме того, на дорогу выехала техника: машины неторопливо объезжали бульдозер, который мигал желтой мигалкой, ревел и пищал и все сгребал весь снег, до которого мог дотянуться, ближе к себе, в одну большую кучу – будто большой и жадный рыжий кот. Профессор засмотрелся на бульдозер, поднес к очкам пробирку, усмехнулся и направился через дорогу, в парк, а Миша за ним. Профессор заметался, выбирая объект для эксперимента.

– Этот маловат. Этот здоровый, а тут собаки надули, – бурчал он, – вот этот!

Они остановились возле сугроба – такого же, как остальные. Профессор махом вытряхнул содержимое пробирки на снег. Миша смотрел с интересом. Ничего не происходило.

– Ты смотри, смотри внимательно. – Григорий Степанович и сам пристально смотрел в снег. – Надо было коньяку захватить. Оно не сразу. Вот что такое снег? Как физическая сущность.

– Ну это... Вода.

– А еще?

– Снег – это снежинки. А снежинки – это кристаллы.

– Вот-вот. А кристаллы – это энергия. А энергия – это тепло, в потенциале. Главная проблема – перевести одну форму энергии в другую. Смотри-смотри.

Лунка в сугробе начала расти на глазах: снег таял, скоро под ноги профессору потек ручей. Сугроб все уменьшался, пока от него почти ничего не осталось. Люди начали оглядываться.

– Валим. – Профессор втянул голову в плечи, сунул руки в карманы и пошел прочь, Миша едва попевал за ним.

Бутылка закончилась раньше, чем тортик, но Григорий Степанович достал вторую.

– А мне все равно жалко сугроб, – вздыхал студент, – можно было бы снеговика слепить из него. А сколько там снежинок! Было. И все разные. А так вы волшебник, конечно. А почему всего одной ложки хватает на целый сугроб?

– Так реакция самоподдерживающаяся, с положительным энергетическим балансом, а порошок – катализатор. Ну, почти. То есть все равно концентрация снижается, и тогда реак-

ция останавливается. Я все продумал, Миш. Ты только представь — никаких сосулек, никому по башке не прилетит, посыпал — и всё. И никакого льда, никто не поскользнется, посыпал — и всё! А снежинок еще столько нападает... И не надо сбивать, не надо чистить, бульдозеры эти не пищат, КамАЗы не нужны. Дворники отдыхают. Посыпал — и всё.

— Григорий Степанович, так это городским властям продать можно! Или вообще в Москву. Представляете?

— Не представляю. Ты сам-то подумай. Кому это нужно? Они такие бабки на этом пият, бюджеты осваивают, да и внимание людей отвлекают от всего остального. А ты им предлагаешь вместо этого что? Посыпать — и всё?

Миша молчал, разглядывая пустую рюмку. Григорий Степанович доел последнюю оливку.

— Больше того, — продолжал профессор, — если кто узнает, что я такое сделал, меня ж грохнут. Чтоб ничего такого не было. Не думаю, что у них в этом плане подходы изменились с девяностых. Мир, Миша, нужно менять самому. Если не мы, то никто!

— Может, не нужно? Может, лучше никто? Хорошо же сидим. — Миша уже понял, к чему клонит профессор.

— Нужно, Миша, нужно.

Григорий Степанович встал из-за стола и направился в соседнее помещение, к бочке. Миша за ним.

Бочка оказалась легче, чем думал Миша, видимо, порошок имел невысокую плотность. Если бы не выпитое, они с профессором вытащили бы ее из подвала без особых проблем. А так проблемы возникли, особенно на лестнице, где бочка чуть не опрокинулась на Мишу, но тот все же смог ее удержать. Шаг за шагом они вдвоем поднимали бочку наверх.

— Великие дела не могут быть простыми, — скрикнувшись, кричал Григорий Степанович. — Трудности увеличивают ценность результата.

Очередная трудность не заставила себя ждать: входная дверь в здание лаборатории была закрыта.

— А ключ у вас есть? — спросил Миша.

— Конечно, нет. Думаешь, нас это остановит?

Они понесли бочку по коридору первого этажа, занесли ее в один из кабинетов.

— Полезай наружу, лови! — Григорий Степанович указал на окно.

Миша открыл окно. Оно выходило на пешеходную дорожку, отделенную от лаборатории поло-

сой деревьев, а за дорожкой — парк. Миша даже с учетом выпитого выскочил легко, все-таки молодость плюс первый этаж. Профессор подошел к окну не сразу:

— А как я на подоконник ее подниму? Дуй обратно!

Пришлось забираться обратно в окно, но Миша справился и с этим.

Вскоре бочка была уже на улице.

— Мы как грабители, типа, ограбили банк и сперли бочку денег, — смеялся Миша, помогая профессору спуститься.

— Чип и Дейл спешат на помощь. Смотрел такой мультик?

— Не, уже не застал. А куда будем сыпать?

— Да без разницы.

Они преодолели дорожку и доволокли бочку до заснеженного парка. Было так тихо, как бывает только глубокой ночью. Они поставили бочку возле большой елки, и в этом было что-то новогоднее, как будто бочка была подарком. Их подарком всему человечеству. Миша мгновенно протрезвел, его охватили сомнения:

— Может, все-таки...

Но было поздно. Профессор со всей силы пнул бочку, она опрокинулась, порошок рассыпался. Дождаться начала реакции они не стали — холодно.

— На центр точно хватит, — рассуждал Григорий Степанович, подавая Мише пустую бочку в окно. — А там я еще сделаю.

Самой сложной частью вылазки для Миши было помочь профессору забраться в окно. Но в лаборатории их ждала награда — остатки коньяка.

Миша проснулся от ощущения дискомфорта: на двух стульях долго не проспешь. Но в молодости так можно. Григорий Степанович спал на диванчике в соседнем помещении. Было ли все произошедшее ночью сном? Пустая бочка, валяющаяся на боку под столом, намекала, что нет. Миша не стал будить профессора и направился прочь из подвала — проведать снег. В будке у входа в здание на этот раз было оживленно: дедушка-охранник беседовал с двумя дамами.

— Да я по телевизору слышал, такой циклон, что в воздухе минус, а земля теплая, вот он и растаял с утра.

— Так он за ночь растаял, — возражали дамы. — Хотя вчера все белое было, чего ж вчера не таяло?

Миша не дослушал и вышел на улицу. Было похоже на то, как будто в Питер вернулся ноябрь и снег еще не выпал: те самые пятьдесят оттен-

ков серого. Сколько ни искал Миша взглядом хоть что-то белое – ничего. Григорий Степанович, видимо, почувствовал отсутствие Миши, проснулся и тоже вышел на улицу. Вид у него был бодрый и гордый.

– Ну как?

– Ну, так...

Миша помог профессору прибраться в лаборатории и вскоре пошел домой. На улице ощущалось зябко и сыро, под ногами хлюпала грязь. Серая цветовая гамма, доминирующая в ноябре, накладывается на жизнь каждого, теперь и зимой тоже. Спешить по делам можно было гораздо быстрее, чем по снегу, но отчего-то уже никто не спешил. Миша медленно полз вместе с потоком людей в сторону своей общаги, благо она была недалеко. Желтые бульдозеры стояли и тархтели вхолостую: эти большие жадные коты теперь выглядели растерянно, профессор отобрал у них всю пищу. Водители скучали поблизости, дворники и вообще попрятались по своим каморкам. Сосульки на крышах теперь никто не сбивал, и они больше не блестели на солнце – не было ни того ни другого. Одна радость – выходной. Миша доковылял до своей комнаты на втором этаже, перекусил вчерашней яичницей и лег спать.

2.

Когда он проснулся, в комнате было уже темно, телефон показывал шесть вечера. Миша встал и посмотрел в окно – там тоже было темнее, чем днем, одинокий фонарь под окнами болтался на растяжках между домами и освещал неширокую улицу. Сосулук на фонаре не было. Реакция добралась и до них – очевидно, по льду, которым еще вчера были покрыты провода, водосточные трубы и вообще все. По улице мимо общаги двигалась лесенкой целая колонна желтых грузовиков, убирая отсутствующий снег. А позади себя они рассыпали соль. Унылое и абсурдное зрелище, но все равно хотелось прогуляться. Миша оделся и вышел на улицу. Большие грузовики с солью гудели уже где-то очень далеко, отблески желтых мигалок едва долетали до парадного общаги, а по тротуару, будто пытаясь догнать своих больших коллег, медленно ехал маленький узенький грузовичок и тоже сыпал соль. Миша дождался, когда он проедет, и пошел в противоположную сторону. Соль хрустела под ногами, но через пару домов хруст как-то изменился. Миша посмотрел под ноги – а вместо соли на асфальте

лежал снег. Тонкий слой настоящего скрипучего снега. Еще десяток шагов – слой стал больше. Миша сделал снежок и запустил им в дорожный знак. Но снежок перелетел и упал в сугроб – уже настоящий серьезный сугроб. А впереди, насколько хватало взгляда, снега становилось все больше, как будто Миша стоял у подножия очень пологой снежной горки. На перекрестке машины еще выезжали из-за поворота, буксовали, но как-то поворачивали и проезжали в сторону Миши. За перекрестком машины стояли на проезжей части по стеклу в снегу. Полный недоумения, Миша побежал обратно – в общагу. Когда он поднялся на свой второй этаж и посмотрел в окно, все уже было белым-бело. Миша позвонил профессору.

– Григорий Степанович! Вы видели? Снег!

– Миш, привет, а ты где? У нас на Звездной, конечно, снег, и я его вижу.

– А, вы не в лаборатории? Тут в центре снег!

– Пошел опять, что ли? Днем все было чисто, я домой и поехал. Ну, навалит – мы еще бочку жажнем! Но надо больше, одной только на центр хватает.

– Да нет, Григорий Степанович, как вы не понимаете? Он не идет. Он... просто есть! Какая-то дичь происходит.

– Да объясни ты толком!

– Я понял! – Миша шлепнул себя ладонью по лбу. – Это все соль!

– Ты, что ли, принимаешь?

– Да нет. Сыпят! Соль, на улицах, грузовиками.

– В центре? Зачем? Снега ж нет.

– Да им какая разница? Зима, они и сыпят.

– И что?

– А потом соль превращается в снег!

Профессор обдумывал сказанное, а Миша смотрел в окно. Внедорожники еще буксовали, пытались проехать, а обычные машины встали посреди улицы. Водители выходили из них и по колено в снегу, медленно, как тогда в парке, пытались куда-то идти. Наконец профессор нарушил молчание:

– Надо провести дополнительные исследования. Может быть, под солью реакция обратима. Встречаемся в лаборатории! И нам понадобится эта дрянь, которую они сыпят.

Миша ломанулся было на улицу, но вспомнил, что у него есть лыжи. Да и что сейчас там делать без лыж? До лаборатории не дойдешь. Миша надел лыжные ботинки, схватил лыжи, палки и спустился вниз.

Мимо копошащихся в снегу водителей и пешеходов, мимо стоящих машин Миша шел на лыжах в сторону лаборатории. Со своей улицы он свернул на широкий проспект. Окруженная снежными отвалами немногочисленная снегоочистительная техника беспомощно пыталась расчистить дорогу, но каждый бульдозер мог освободить от снега лишь небольшой пятючок вокруг себя, а грузовики со снегом увязли сами, проехать не мог уже никто. До парка оставался один квартал, и тут Миша вспомнил про соль. Нужна соль! Миша свернул в переулок — там снега было совсем мало, а чуть дальше не было совсем, ни на тротуаре, ни на дороге. Видимо, здесь пока ничего не сыпали. Миша только принялся снимать лыжи, в которых по асфальту стало идти неудобно, как заметил в подворотне дворничиху в оранжевом жилете: тетка шла в сторону тротуара, навстречу Мише. И несла ведро.

— Здравствуйте! — поздоровался Миша. — А у вас в ведре случайно не...

Миша не успел договорить, как тетка запустила руку в ведро и щедро высыпала на тротуар горсть соли, прямо Мише на лыжи.

— Здравствуйте! Чего тебе?

— Вы это... Не сыпьте соль!

— А ходить как? Тебе-то хорошо, ты на лыжах. А нормальным людям как?

— А вы за угол-то сверните. — Миша замахал руками.

— Там другой участок, пусть сами сыпят.

— Но здесь-то снега нет. Зачем сыпать?

— А ты чего тогда на лыжах, если снега нет?

— Так за углом-то есть!

— Так за углом они не сыпят ни черта, вот он и есть. Давай, парень, не мешай работать!

— Вот. — Миша достал из кармана пакетик. Привычка ходить в магазин со своим пакетом оказалась кстати. — Если не верите, отсыпьте мне соли. Очень надо.

Дворничиха посмотрела на Мишу с брезгливостью.

— Парень, это не та соль.

— Мне для экспериментов.

— Ну, смотри. Хватит?

Тетка отсыпала в пакет пару горстей, Миша поблагодарил ее и пошел дальше на лыжах по асфальту. Через несколько шагов спохватился, остановился и все-таки лыжи снял. Впрочем, ненадолго: подходя к парку, Миша вновь стал увязать в снегу, и лыжи пришлось надеть.

Вход в здание лаборатории был завален снегом аж до линии окон, проход никто не расчистил.

Дверь открывалась наружу, и открыть ее Миша не мог. Да и закрыто, скорее всего. Он набрал профессора и объяснил ему ситуацию.

— Миш, смотри, — посоветовал Григорий Степанович, — от лаборатории ключ под ковриком. Он всегда там. Тебе главное — попасть внутрь. Ты не помнишь, мы вчера окно закрыли?

— Окно?

— Ну, когда бочку затаскивали.

— А... Я помню, что я не закрывал.

— А я не помню, чтобы я закрывал. Проверь, может, открыто. А если закрыто — выбей стекло, чего там. А меня, представляешь, в мэрию вызвали, причем срочно, прямо на ночь глядя. И еще кучу ученых-химиков выдернули, внезапное совещание по снегу, все на нервах, никто ничего не понимает.

— А как же я?

— Ты пока без меня попробуй разобраться. Я подумал, там, скорее всего, нужно что-то поправить в формуле с учетом этой соли. Ты соль добыл?

— Да.

— Молодец. Определи состав, посчитай реакции, найди что изменить. И сделай еще бочку. Все материалы на компе, в документах, в папке «Снег». Пароля нет. Реактивы все есть. И все знания у тебя есть, Миш, я в тебя верю, все, давай, держи в курсе!

Миша вздохнул и принялся объезжать на лыжах здание лаборатории. На пешеходной дорожке снег лежал, видимо, ее посыпали, а вот по обе стороны от нее и в самом парке снега не было. Вот и та самая елка, напротив нее — окно. Повезет или нет? И что в данном случае будет «повезет»? Выбить окно, если честно, хотелось. Этот снег уже порядком достал. Миша толкнул стекло лыжной палкой — окно открылось! Миша выдохнул, снял лыжи и закинул их в окно, а следом полез сам.

Ключ от лаборатории действительно оказался под ковриком. Миша вошел и закрыл за собой дверь, зазвонил телефон. Это был профессор.

— Миш, ну как там у тебя?

— Вошел, Григорий Степанович, окно было открыто.

— Ну вот, что я говорил? Хорошо, что мы пьяные были. Трезвые точно б закрыли. А я тут на совещание опаздываю, машину пришлось бросить у Обводного, транспорт не ходит, стоит все. И я стою, в очереди, представляешь?

— За чем?

— За лопатой! Нас тут на улице цепочка людей, первый расчищает путь. Когда устает, переда-

- Так я тут считал, Григорий Степанович, и опыты ставил. Теперь все отлично, вы посмотрите!
- Миш, ты сбавь обороты. Похоже, нам очень повезло. В мэрии уже собирались нас всех на допрос везти в ФСБ и устраивать рейд по всем лабораториям. Потому как явный теракт, время сам знаешь какое. Даже термин придумали, климатический терроризм. А среди нас могли быть причастные, химики – первые подозреваемые. А если мы и ни при чем, то должны консультировать спецслужбы. А мы, Миша, еще как при чем. И если в мою лабораторию придут, это станет очевидно. Хорошо, снег стал резко таять, и в итоге вроде как решили все это замять, списать на погодную аномалию. Сворачивать надо лавочку, Миша. Не дай бог, кто-то узнает, что это мы террористы.
- Что? – Миша этого принять не мог. – Да мы совершили открытие века! Ну, то есть вы совершили, но я доработал! Как же «менять мир самому»?
- Миш, не стоит оно того. Ну, снег и снег, всегда зимой снег. В снежки можно играть, детишкам весело. Пусть себе идет.
- Да не нужен в городе этот гребаный снег! – Миша встал из-за стола, пошатнулся.
- Ты пил, что ли?
- Исключительно чтоб не уснуть! И соль еще эта.
- Уснуть – это для тебя сейчас самое то.
Профессор помог студенту лечь на диванчик в соседней комнате и накрыл его пледом.
- Нельзя все так оставлять, Григорий Степанович, – бормотал Миша, засыпая. – Каждый год этот долбаный снег, как катастрофа. Ходить нельзя, ездить нельзя. Сосульки падают – плохо, их сбивают – плохо. Убирают – плохо, не убирают – еще хуже. Зачем? Мы же все сделали. Просто жхнуть бочку – и хана этому снегу. Посыпал – и всё.
- Ты подумай, Миш. – Профессор присел на край диванчика. – Разве можем мы вот так курочить мир по своему усмотрению?
- Но вы ж говорили, если не мы...
- Я сидел с осени в лаборатории, и весь мир для меня был лабораторией. А мир-то шире. Нельзя так, Миш. Кто сказал, что соль – это последнее, что мы не учли? Да и такая серятина без снега, вот честно.
Миша уже спал и ничего не ответил.
- А снег красивый. – Профессор понял, что говорит теперь сам с собой.